

Евнух громко объявил:

— Указ Его Величества: Я, наследник княжества Чжоу, изначально не был принцем, но, получив волю Неба, основал великое государство Чу. Будучи правителем вот уже двадцать семь лет, я столкнулся с беспрецедентным внутренним кризисом, который трудно описать. Неужели Небо отвернулось от меня, и моя политика оказалась ошибочной, а действия — неправильными?..

Чиновники побледнели. Это был указ о самобичевании. Император Чу, известный своим упрямством, как мог издать указ, в котором признавал свою расточительность, спровоцировавшую восстание князя Шоушаня, и свою жестокость? Продолжая слушать, они поняли, что, хотя указ назывался «самобичеванием», все обвинения в растрате казны на строительство дворцов и ошибки в назначении чиновников были возложены на «покончившего с собой» князя Шоушаня, а князь Цзинчэн был представлен как мудрый советник, который помог восстановить порядок.

Гао Э, его глаза, обычно тусклые, внезапно стали холодными. Император Чу и князь Цзинчэн пошли на компромисс: император устранил наследного принца, князей Инчуань, Цыян и Шоушань, но князь Цзинчэн был его любимым сыном. Как только гнев утих, любовь взяла верх, и он больше не мог причинить вреда князю Цзинчэну, а потому решил передать ему трон. Издание указа о самобичевании должно было заставить народ обсуждать и восхвалять князя Цзинчэна за его мудрость и смелость в советах императору, даря ему славу. Император уже не мог своей властью низвергнуть князя Цзинчэна — это только сделало бы его указ объектом насмешек для потомков.

После оглашения указа император, действуя единолично, приказал всем удалиться, но Сяо Шанли поклонился и сказал:

— Отец, у меня есть дело, о котором я хочу поговорить наедине. Оно касается так называемых людей из мира рек и озёр.

После полудня солнце светило ярко, стрекотание цикад раздавалось одно за другим. Рядом с высокими зданиями и роскошными домами находилась тихая бамбуковая роща. В тени зелёного бамбука стрекотание цикад внезапно прекратилось. Мужчина в чёрной одежде с мечом вошёл в рощу. Один шаг — и он был на крыше, следующий — и он уже на тропинке среди бамбука. Между шагами было около десяти чжанов, но его походка была уверенной.

Несколько слуг Гильдии морской торговли несли медные тазы в сторону лечебницы. Увидев его, они испугались и воскликнули:

— Владыка острова!

Лэ Юй спросил:

— У доктора Инь есть пациент?

Слуги ответили:

— Это беременная женщина...

Не дослушав их, Лэ Юй резко изменился в лице и, словно по ровной земле, перебежал через три крыши к бамбуковому домику.

Дверь домика была открыта, на белой бумаге окна отражались тени бамбука. В медном тазу кипела вода, испуская запах крови. Инь Усяо вынул руки из воды и тщательно вытер их. Рядом на длинном столе лежали блестящие инструменты.

Рядом стояла бирюзовая бутылка, пробка была снята, внутри ничего не было. Инь Усяо обернулся и улыбнулся:

— Владыка острова, вы опоздали.

Лэ Юй, его глаза стали глубокими, словно наполнились кровью, произнёс:

— Инь Усяо!

Инь Усяо лишь слегка приподнял бровь, снова опустив окровавленные руки в горячую воду:

— Владыка острова, вы сами сказали, что заберёте «Минлина» прошлой ночью. Но прошлой ночью я вас не видел.

Он вдруг понял:

— Я слышал, что прошлой ночью произошли беспорядки на восточном рынке. Наверное, вы всю ночь охраняли князя Цзинчэна, поэтому даже не могли позаботиться о собственном сыне.

Он взглянул на вибрирующий меч Цици на поясе Лэ Юя, затем на самого Лэ Юя и спокойно улыбнулся:

— Владыка острова, у вас был шанс. У вас был шанс не позволить «Минлину» появиться на свет. У меня был шанс дать ему жизнь. Вы свой шанс упустили ради любовной привязанности, и теперь мой шанс настал.

В ушах Лэ Юя снова раздался гул. Он сжал рукоять меча. Учение Сутры Истинного Удовольствия семьи Лэ гласило: «Осторожно связывайся с мирскими узами». Теперь, когда Минлин появился на свет, он больше не сможет разорвать тысячи нитей, связывающих его с Сяо Шанли! Ярость захлестнула его. Ради одного Сяо Шанли он сделал один неверный шаг, за которым последовали другие, и теперь он дошёл до того, что позволил появиться на свет ребёнку, который унаследовал их кровь. Что будет с этим ребёнком, когда Южная Чу и остров Пэнлай станут врагами?

В тихой комнате молодая девушка в розовом платье, Сяо Хуань, с красными от слёз глазами, выжимала ткань, чтобы вытереть пот со лба женщины, которая лежала без сознания, её губы были искусаны. Её волосы слиплись на лице, под платьем её тело было худым, а живот был

размером с четыре месяца беременности, перевязан широкой тканью.

В этот момент произошёл переворот! Вся бамбуковая хижина затряслась, одна стена рухнула перед ней. Сяо Хуань, сидя на полу, смотрела, как пыль заполняет её взгляд, и увидела, что лечебница по другую сторону стены исчезла! Крыша упала, три стены рухнули, и только кровать в тихой комнате, где она находилась с Ланхуань, осталась целой в радиусе трёх чи.

Инь Усяо лежал среди бамбуковых обломков, с трудом поднявшись, он выплюнул кровь, но, словно обессиленный, закрыл глаза. Напротив него стоял человек, окружённый аурой жестокости, в чёрной одежде, вкладывающий в ножны сверкающий меч. Она закричала, увидев, как мужчина подошёл, его лицо выражало сложные эмоции, словно он боролся с самим собой, посмотрел на Ланхуань и унёс её.

Сяо Хуань, рыдая, попыталась подняться и побежать за ним, но услышала кашель позади себя. Инь Усяо, страдая от боли, прижал руку к груди и сказал:

— Не... не беги за ними... с ней... всё будет в порядке...

Через три дня, на рассвете, в резиденции князя Цзинчэна ещё горели свечи. Сяо Шанли, не спавший всю ночь, сидел на кровати, обхватив колени. Он вспоминал разные моменты из жизни с тем человеком: их первую встречу на реке, споры в Дворе Весенних Ароматов, ночь в тайной комнате, когда он впервые был ранен, и тот человек пришёл без приглашения, принёс лекарство, уложил его в постель, не касаясь раны, и поцеловал кожу рядом с опухолью.

На рассвете вошли служанки. Он сел перед бронзовым зеркалом, его чёрные волосы были собраны в пучок, на голове была золотая корона. Красный след на лбу уже зажил, на ощупь был гладким, словно кусочек красного нефрита в белом яшмовом камне. Перед ним положили шёлковую ленту для лба, открыли три слоя коробки, и взгляд утонул в разнообразии. Служанки осторожно сравнивали, выбирая три ленты для его выбора.

Он выбрал самую левую ленту с золотым узором, покрытую золотой пудрой. Служанка, не глядя на его лицо, уже замерла, увидев в зеркале ослепительно красивого человека. Сяо Шанли повернулся и спросил:

— На что ты смотришь?

Она поспешно опустила на колени. Сяо Шанли не стал повышать голос, но все перед зеркалом сразу же опустились на колени:

— Простите, наследный принц!

Сяо Шанли лишь усмехнулся, произнеся:

— Чего вы боитесь?

Он поднял рукав и один вышел.

Вооружённые солдаты выстроились в четыре ряда, охраняя высокое здание, где находился наследный принц. Сяо Шанли, только что назначенный наследным принцем, спустился по ступеням. Под навесом стояли более десяти человек, разделённые на две группы. Слева — восемнадцать монахов в белых одеждах с посохами, справа — более десяти мужчин и женщин в разных одеждах, многие в роскошных нарядах, смотрящих друг на друга с подозрением. Увидев Сяо Шанли, обе группы поклонились:

— Приветствуем наследного принца.

Инь Усяо, бледный, слегка кашляя, подошёл, поддерживаемый служанкой. Сяо Шанли сказал:

— Доктор Инь, расскажите ещё раз о происхождении вашей раны.

Инь Усяо ответил:

— Владыка острова Пэнлай впал в безумие, даже жестокость меча Цици не может его сдержать. Моя рана — тому доказательство. Энергия, которую он вложил в меня, была настолько сильной, что это уже не соответствует известному пути Сутры Истинного Удовольствия, который должен быть свободным и величественным.

Шаньжэнь низко произнёс буддийскую молитву и сказал:

— Братья, если бы наш учитель не был в затворничестве, узнав об этом, как гроссмейстер и настоятель государственного храма, он бы не позволил владыке острова Пэнлай, впавшему в безумие, свободно приходить и уходить.

Те, кто был в роскошных одеждах, были членами Небесного отдела Павильона Весеннего Дождя, имевшими дело с Лэ Юем. Услышав это, они переглянулись, но всё же следовали за третьим молодым господином Гу. Женщина с изящными пальцами, которая когда-то играла на цитре для Лэ Юя, почтительно сказала:

— Мы подчиняемся приказам наследного принца.

Через некоторое время ворота города были усилены охраной по приказу наследного принца, а другая группа солдат окружила Гильдию морской торговли.

Солдаты ворвались внутрь и сразу же остановились — внутри, где обычно были роскошные ткани и украшения, было пусто и тесно. Пустота была от ширм, жемчужных занавесей, коралловых стоек и серебряных подсвечников, а теснота была от людей, которые стояли вплотную в некогда просторном зале! Слуги, служанки, рабочие — все стояли в порядке! Более трёхсот человек! Увидев солдат, они все опустили на колени.

Роскошные двери, залы и павижи, везде, где были ворота, были заклеены печатями. Высокие здания, где красивые служанки опирались на перила, и беседки, где пировали до рассвета,

теперь были пусты.

Солдаты поспешно передали сообщение, выстроились в два ряда, держа мечи наготове, охраняя дрожащих слуг. Вскоре вошёл командир и, оглядев помещение, произнёс:

— Кто здесь главный?

<http://bllate.org/book/15272/1348113>